

графических» стихов в духе 1930-х о «большой» Родине, освоении природы. Спровоцированная критикой авральная перестройка на мирные темы в творчестве Ш. серьезных худож. результатов не дала. В эти годы энергия Ш. находит применение в переводах стихов поэтов народов СССР. Работая с подстрочниками, он переводит с казахского, литовского, еврейского, турецкого, татарского и др. яз. Е. Дымшиц называет имя Ш. в числе лучших переводчиков грузинского поэта Р. Маргиани вслед за именами Н. Заболоцкого, А. Тарковского, Н. Тихонова (Дружба народов. 1966. № 2. С. 285).

Умер Ш. в одночасье, от сердечного приступа, в роковом для поэтов возрасте — в 37 лет. Похоронен в Москве на Введенском кладбище. Наверное, это был момент, когда он просто перестал сопротивляться обстоятельствам, а опасность такой минуты, как подлинный поэт, предугадал и даже назвал причину: «И смерти наступит черед, / Когда не останется в сердце / Простого стремленья вперед...» («Надпись на книге», 1951).

Соч.: Ветер в лицо. Л., 1937; Парус. Л., 1940; Моя звезда. М., 1947; Солдаты. М., 1948; Дороги, годы, города. М., 1949; Избранное. М., 1952; Избранная лирика. М., 1966; Стихотворения. Поэмы. Воронеж, 1980; Стихотворения. М., 1982; «Здесь вся моя жизнь...»: Стихотворения, поэма. Петрозаводск, 1985; Избранное: Стихотворения и поэмы. М., 1988.

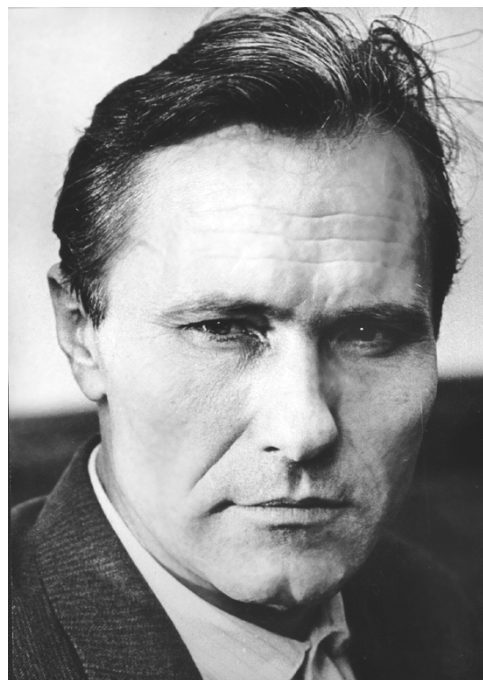
Лит.: Западов А. О стихах Шубина // Звезда. 1938. № 1; Бакинский В. Павел Шубин. «Парус» // Звезда. 1940. № 8–9; Коваленков А. Павел Шубин // Знамя. 1957. № 5; Абрамов А. Человек на войне. Фронтная лирика Павла Шубина // Север. 1970. № 5; Абрамов А. В соавторстве со временем. М., 1982; Коган А. Павел Шубин. М., 1974; Кондратович А. Призвание. М., 1987; Рунин Б. Утренний свет // Новый мир. 1988. № 11.

М. К. Лопачева

ШУКШИН Василий Макарович [25.7.1929, с. Сротки Бийского р-на Алтайского края — 2.10.1974, ст. Клетская Волгоградской обл.; похоронен в Москве] — прозаик.

Родился в крестьянской семье. Отец в 1933 был арестован органами ОГПУ, в 1956 посмертно реабилитирован. Отчим (П. Н. Куксин) погиб на фронте в 1942. Мать, по словам С. Залыгина, «оставалась человеком небольшой граммоты, но душа ее была развита и сильна сама по себе, от природы и от своего народа. Она была чуткой к слову, к песне, к картине, к любому искусству, и не только чуткой, но и способной к нему. Это бы-

ло вполне очевидно, это были те необыкновенные, ни в ком более не повторимые задатки, которые она передала своему сыну» (цит. по: Карпова В.— С. 7–8). Мальчик рано пристрастился к чтению и нелегкому крестьянскому труду. Подростком работал в колхозе. Имеются сведения, что с 1944 по 1947 Ш. учился в Бийском автомобильном техникуме. Позже в автобиографии писал, что «работал в Калуге на строительстве турбинного завода, во Владимире на тракторном заводе, на стройках Подмосковья. Работал попеременно разнорабочим, слесарем-такелажником, учеником маляра, грузчиком». С 1949 по 1952 служил на флоте, где, по его словам, в то время витал «душок некоторого пижонства», и ему приходилось «помалкивать о своей деревне». Досрочно демобилизовавшись из-за болезни (язва желудка), он возвращается в Сротки, где работает в 1953–54 директором вечерней школы, преподает лит-ру и русский яз. Сдав экстерном экзамены за среднюю школу, в 1954 поступает на режиссерский ф-т ВГИКа в Москве (окончил в 1961). Ш. был зачислен в мастерскую М. И. Ромма, замечательного режиссера и педагога, которого Ш. уважал за интеллектуальную самостоятельность и умение в самых сложных жизненных ситуациях оставаться самим собой. В ин-те Ш. начинает писать

В. М. Шукшин

рассказы, первым читателем и рецензентом которых был М. Ромм. Вспоминая об этих годах, Ш. говорил: «Мне было трудно учиться. Чрезвычайно. Знаний я набирался отрывисто и как-то с пропусками. Кроме того, я должен был узнавать то, что знают все и что я пропустил в жизни. И вот до поры до времени я стал таить, что ли, набранную силу».

Процесс собирания творческих сил продолжался у Ш. до начала 1960-х, несмотря на то, что уже в 1958 на страницах ж. «Смена» (№ 15) появился первый рассказ писателя «**Двое в телеге**», а с 1957 Ш. снимался во мн. фильмах.

Подлинный лит. дебют Ш. состоялся в ж. «Октябрь», где были опубликованы в 1961 (№ 3) рассказы «**Правда**», «**Светлая душа**», «**Степкина любовь**» и рассказ «**Экзамен**» (1962. № 1). С 1962 его рассказы появляются в ж. «Молодая гвардия», «Москва», «Новый мир». В 1963 выходит первый сб. Ш. «**Сельские жители**». Критика доброжелательно встретила эту книгу, сразу зачислив ее автора в разряд писателей-«деревенщиков».

Рассказы «**Ленька**», «Экзамен», «Правда» и др. отмечены некоторой литературностью, заданностью, морализаторством; в них ярко выражено фабульное начало, финалом которого является своеобразный жизненный урок, назидание. Однако есть в сб. и др. рассказы, в которых уже ощущается неповторимый шукшинский жизненный опыт, своеобразие творческой манеры, худож. самостоятельность. («**Далекие зимние вечера**», «**Племянник главбуха**», «**Сельские жители**», «**Одни**»). Они написаны в свободной манере, лишенной жесткой структурной однозначности, автор предоставляет герою полную возможность размышлять о конкретных событиях и общем течении жизни. Так, в рассказе «Одни» обсуждают вопрос о том, «зачем жизнь дадена», два старых человека, Антип и Марфа, которые «вывели к жизни» дюжину детей, а коротают в деревне свой век в одиночестве. В этом рассказе проявилась одна существенная особенность поэтики Ш. Весьма важным в его повествовании является не только то, о чем говорят персонажи, но и то, о чем они молчат. А молчат они о вещах, естественных для деревенских жителей,— чувстве долга и морального запрета, составляющих основу народной нравственности. Как считает В. Ветловская, «показывая народную жизнь, Шукшин вместе с тем объясняет ее нравственные нормы, которым люди следуют или которые они нарушают. Он предлагает истины, находящиеся вне логиче-

ских, вне рациональных доказательств» (Славянофильская концепция народа и Шукшин // Славянофильство и современность. СПб., 1994). Появление сб. «Сельские жители» и фильма «Живет такой парень...» (1964), в основу сценария которого были положены рассказы «**Классный водитель**» и «**Гринька Малюгин**», завершает ранний период творчества Ш.

В 1965 появляется в печати первый роман писателя «**Любавины**», который посвящен становлению советской власти в Сибири. В центре романа история «кулацкой семьи», члены которой с остервенением и жестокостью борются за свое существование. Роман создан в традициях монументальной сибирской хроники, столь популярной в лит-ре того времени, в рамках принятого взгляда на классовые сражения в деревне. Сам Ш. следующим образом определял замысел романа: «Мне хотелось рассказать об одной крепкой сибирской семье, которая силой напластования частнособственнических инстинктов была вовлечена в прямую и открытую борьбу с Новым — с новым предложением организовать жизнь иначе. И она погибла, семья Любавиных. Вся. Иначе не могло быть» (Лит. Россия. 1965. 16 июля). В архиве Ш. нашли 2-ю книгу романа, которую опубликовали лишь в 1987. Критика отмечала умение писателя воссоздавать сложные характеры, историческую обстановку, «социально-классовую диалектику», хотя раздавались и ехидные замечания о том, что в романе «все кряжистые, звероватые и все кругом закуржавело» (Соловьева И., Шитова В. Свои люди — сочтемся // Новый мир. 1974. № 3). Л. Аннинский считал роман «вещью вторичной», В. Коробов отстаивал противоположную точку зрения, хотя и оговаривал, что это — не высшее достижение Ш., В. Карпова утверждала, что «Любавины» — «произведение талантливого молодого писателя, хотя и неровное, но яркое в художественном отношении» (Карпова В.— С. 37–38).

2 февр. 1965 Ш. принят в члены СП СССР. Рекомендации для вступления дали писатели Г. Березко, С. Антонов, Ю. Нагибин, который писал: «Проза Шукшина добра и достоверна, трудна и серьезна, как жизнь людей, которых автор всегда любовно имеет в виду. Шукшин хочет и умеет воспроизвести эту жизнь в совершенной подлинности, в точном соответствии с ее реальной сложностью и живописностью» (цит. по: Карпова В.— С. 38–39).

В 1966 Ш. опубликовал повесть «**Там, вдаль...**» (Молодая гвардия. № 11–12)

о неразделенной любви молодого рабочего парня к испорченной городской полукультурной женщине. В творчестве Ш. образ современницы почти всегда существует в жестком, ироническом освещении. Совр. жизнь, тяга к эмансипации существенным образом изменили женский характер, разбудив в ее душе злобность, мстительность, раздражение и меркантильность (позицию Ш. разделял и В. Белов). И только мать остается жизненной опорой мужчине, она будит его совесть, спасает в самых крайних жизненных обстоятельствах («**Материнское сердце**»).

Конец 1960-х — начало 1970-х отмечены взлетом творческой активности Ш., результатом которой явились блистательные рассказы, которые раскрыли мощное и оригинальное дарование их автора. В обиход критики вошли такие понятия, как «шукшинский мир», «шукшинский герой», «шукшинская жизнь». Их появление было связано прежде всего с тем, что на первый план у Ш. выдвинулись необычные персонажи, выламывающиеся из предписанных норм поведения. Сам автор называл их «странными людьми», «чудиками», «шизиями», «бесконвойными». Обладая неукротимым нравом, необъяснимой с точки зрения рациональной логики тягой к вещам странным и необыкновенным, они противостояли в то время официозу, который стремился уравнивать по средним стандартам как деревенского, так и городского жителя. Ш. с чуткостью большого художника уловил зреющий в народной среде протест против усреднения, схематизма, выхолащивания жизни и отразил его в своеобразной трагикомической манере. Однако у одних героев «стихийный выверт» был наивно-добродушен и выражался в стремлении разрисовать цветочками коляску или дать жене смешную телеграмму («**Чудик**»), купить на зарплату неведомо зачем микроскоп («**Микроскоп**») и т. д. Нетривиальное поведение других оказывалось опасным, ущемляющим права и достоинство окружающих людей («**Сураз**», «**Срезал**», «**Билетик на второй сеанс**», «**Штрихи к портрету**» и др.). Особую разнovidность шукшинских героев составляют персонажи, «забуксовавшие» на какой-то одной мысли: Моня Квасов, помешанный на создании «вечного двигателя» («**Упорный**»), Роман Звягин, который не в состоянии освободиться от изумления, что «птица-тройка» везет проходящим Чичикова («**Забуксовал**»), Николай Князев, одержимый идеей «целесообразного государства» («**Штрихи к портрету**»), Бронька Пупков, повторяющий сотню раз выдуманную историю

о покушении на фюрера («**Миль пардон, мадам!**») и т. д.

Пестрая галерея шукшинских «чудиков», обладающих удивительно живой непосредственностью, яркостью, самобытностью, ошарашила критику, пытавшуюся найти какие-то традиции, ввести этот противоречивый материал в русло социальных и литературных законов. Были предприняты попытки объяснить эти характеры то через традицию М. Горького, утверждавшего, что «чудаки украшают жизнь», то сопоставлением с пресловутым «естественным человеком», вступающим в контакт с цивилизованным миром и укоряющим его за бездушие и антигуманность. Истоки странных героев Ш. видели в фольклорном образе Ивана-дурака (Л. Аннинский), в народно-смеховой традиции карнавальской литературы (Г. Белая), в традициях Ф. Достоевского и Н. Лескова, Н. Гоголя. Социологическая критика объясняла появление этих персонажей миграцией населения, наступлением городской культуры, изменением психологического и социального облика русского крестьянина. В рамках этого критического направления возник миф о пренебрежительном отношении Ш. к городу.

Однако феномен Ш. и до настоящего времени остался непроясненным. Как точно подметил С. Залыгин, «Шукшин один из самых загадочных писателей. Ибо каким образом он достигает своей сверхзадачи — постижения души человеческой, — порой совершенно необъяснимо... Говорит Шукшин по большей части об очень простых вещах, а часто и смешных, но действует на наше сознание серьезно» (Критика и публицистика. М., 1987. С. 170). Ш. обращал внимание на те подвижные черты национальной психологии, о которых мало говорила лит-ра. Они могли проявляться на разных нравственных полюсах, то с отрицательным, а то с положительным знаком. Так, один герой Ш. с завидным упорством мечтает о реставрации и восстановлении храма («**Мастер**»), а другой — с меньшей напористостью стремится храм разрушить («**Крепкий мужик**»), один герой из-за несчастной любви готов покончить счеты с жизнью («**Нечаянный выстрел**», «**Сураз**»), другой способен лишь изложить свою любовную историю на бумаге («**Раскас**»). Одного успехи науки вводят в состояние аффекта («**Даешь сердце!**»), а другого побуждают к милосердию («**Космос, нервная система и шмат сала**») и т. д. Как утверждал один из героев Ш.: «Умеешь радоваться — радуйся, умеешь радовать — радуй... Не умеешь — войей, командуй или что-

нибудь такое делай — можно разрушить вот эту сказку: подложить пару килограммов динамита — дроболызнет, и все дела. Каждому свое» (Беседы при ясной луне. М., 1974. С. 211). Отстаивая свое право на выбор судьбы, шукшинский герой метался в противоречиях, крайностях, взаимоисключающих вариантах, пытаясь преодолеть разрыв между воображением, мечтой, придуманной жизнью и реальностью. Именно этот разрыв, зазор, промежуток, вызывающий «болезнь души», и выходил на первый план. Несмотря на разные попытки выхода из конфликтной ситуации (реальные и воображаемые, комические и трагические, положительные и отрицательные), герой почти всегда терпит поражение, не может разорвать круг неразрешимых проблем. Соединение детскости, наивности с определенной «защитленностью», «забуксированностью» сознания постоянно водит русского человека «по кругу», возвращает к исходному состоянию, к тем же проклятым вопросам, на которые ни он, ни окружающие его люди ответить не могут.

Ш. создал особый тип рассказа. Он почти лишен экспозиции, построен на диалоге, имеет открытый финал, который поддается любым философским трактовкам. В центре повествования — необычный случай, необычная, но чаще бытовая ситуация, герой находится в состоянии сильного эмоционального возбуждения (гнева или радости), благодаря которому соединяется в его душе и высокое, и низкое, и идеальное, и бытовое. Это соединение служит истоком и причиной того трагикомического звучания, которое присуще рассказам подобного рода. «Его рассказы, — писал Л. Емельянов, — можно сравнить с пословицами. Та же в них сатира и мгновенность схватывания сути, та же дерзкость образности, тот же лаконизм, „жилистость“ выражения. Его художественная мысль всегда настолько энергична и проявлена, что средства ее сюжетного воплощения рождаются как бы сами собой по принципу необходимых и достаточных» (Емельянов Л. — С. 91).

Рассказы о «чудиках» не исчерпывали всего многообразия шукшинских характеров. Можно выделить в его прозе биографический цикл — «Далекие зимние вечера», «Из детских лет Ивана Попова», «Дядя Ермолай», «Рыжий» и др., сатирический цикл — «Змеиный яд», «Обида», «Кляуза», «Мой зять украл машину дров!» и др., цикл рассказов о вдохновенных лгунах — «Генерал Малафейкин», «Версия», «Беседы при ясной луне» и др., цикл рассказов о смерти — «Как по-

мирал старик», «Охота жить», «Горе», «Осенью» и др. Эти и др. рассказы были объединены в сб. «Земляки» (1970), «Характеры» (1973), «Беседы при ясной луне» (1974).

В 1968 появляется сценарий фильма Ш. о Степане Разине (Искусство кино. № 6), а в 1971 роман «Я пришел дать вам волю» (Сибирские огни. № 1–2). Образ Степана Разина, тревоживший воображение Ш., с самых первых шагов в лит-ре, являлся идеалом «могучего заступника крестьянства», поборником справедливости и хранителем воли. Сам Ш. отмечал в его характере силу, неумность и жалость к слабым, полагая, что именно эти свойства определили величину и значимость этой исторической фигуры. Она проявлялась не только в сложной духовной организации атамана, но и в его умении почувствовать народному горю, возвышаться до понимания всечеловеческих проблем, люто ненавидеть угнетателей. В романе почти отсутствовали «исторические приметы» времени, декоративные элементы.

Особую страницу в творчестве Ш. составляет публицистика, собранная в книгу «Нравственность есть Правда» (М., 1979). Ш. не только пояснял свои произведения, рассказывал историю их создания, но и утверждал право художника «жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ знает Правду».

В 1973 появляется в печати киноповесть «Калина красная», а в 1974 выходит на экраны фильм с тем же названием, который принес Ш. — его автору, режиссеру и исполнителю главной роли — всенародное признание. История Егора Прокудина, крестьянского сына, ставшего вором и захотевшего после тюрьмы закончить со своим воровским прошлым, рассказана по-шукшински просто, образно, с тонким сочетанием юмора и горечи. В характере Егора совместились мн. особенности персонажей Ш. из его рассказов: и наивность, и склонность к балагурству, шутству, и одаренность, и скрытность, и слабость, и достоинство. Поэтому образ обрел укрупненный масштаб, значительность и многогранность. Впервые в творчестве Ш. воровская профессия рассматривалась как измена родовому, крестьянскому долгу, земле, родной матери. Финал повести содержал явный оттенок морализаторства: герой наказан за эту измену друзьями из воровской шайки.

В последние годы жизни в творчестве Ш. усиливается сатирическое начало, большое значение приобретают условные формы обобщения, изменяется масштаб оценки со-

временности. В 1974 появляются повесть для театра **«Энергичные люди»** о спекулянтах и мошенниках, сатирически-философская повесть **«Точка зрения»** о вечном споре Пессимиста и Оптимиста. Уже после смерти писателя опубликована сказка **«До третьих петухов (Сказка про Ивана-дурака, как он ходил за тридевять земель набираться ума-разума)»** (1975), мн. страницы которой в наши дни звучат очень актуально и смешно, незаконченная повесть **«А поутру они проснулись...»** (1975), действие которой развивается в медвытрезвителе.

Неповторимый образ Ш.-писателя неизменно усиливается его яркой кинематографической деятельностью, обаянием Ш.-актера; неожиданная смерть Ш. на съемках фильма С. Бондарчука **«Они сражались за родину»** была воспринята всем обществом как национальная трагедия.

Соч.: СС: в 3 т. / сост. Л. Н. Федосеева-Шукшина; вступ. статья С. Залыгина; комм. Л. Аннинского. М., 1984–85; СС: в 5 т. / сост. Л. Н. Федосеева-Шукшина. Екатеринбург, 1993–94.

Лит.: Василий Макарович Шукшин: библиографический указатель / сост. А. В. Редько; вступ. статья В. Горна. Барнаул, 1981; Емельянов Л. Василий Шукшин: Очерк творчества. Л., 1983; Шукшинские чтения: сб. / сост. В. Горн. Барнаул, 1984; Коробов В. Василий Шукшин. М., 1984; Карпова В. Талантливая жизнь: Василий Шукшин — прозаик. М., 1986; Апухтина В. А. Проза В. Шукшина. М., 1986; Горн В. Ф. Василий Шукшин: Штрихи к портрету. М., 1993; Эмельман Р. Эпистемология застоя. О постмодернистской прозе В. Шукшина // *Russian Literature*. 1994. XXXV; Казин А. Л. Русский космос. («Печки-лавочки» Василия Шукшина) // Мир худож. культуры в памятниках. СПб., 1997; Сигов В. К. «Человек с ружьем» в образной системе В. Шукшина // Филол. науки. 1999. № 6; Фролова Е. А. Контраст в киноповести В. М. Шукшина «Калина красная» // Русский яз. в школе. М., 1999; Красников Г. Абсолютно русское явление // Алтай. Барнаул. 2000. № 1; Провинциальная экзистенция: К 70-летию со дня рождения Василия Макаровича Шукшина. Барнаул, 1999; Байрамова Т. Ф., Никишева В. П. Словарь языка В. М. Шукшина. Бийск, 2002; Белов В. И., Заболоцкий А. Д. Тяжесть креста. Шукшин в кадре и за кадром: сб. М., 2002.

Т. М. Вахитова

ШУЛЬГИН Василий Витальевич [1(13).1. 1878, Киев — 15.2.1976, Владимир] — прозаик, публицист.

Ш. родился в семье профессора истории Киевского ун-та, основателя и владельца одной из крупнейших газ. «Киевлянин». Отец рано умер, и Ш. воспитал отчим, также про-

фессор Киевского ун-та, главный редактор «Киевлянина» Д. И. Пихно. Ш. получил юридическое образование и с молодых лет занялся политикой. В 29 лет стал членом Гос. думы, в дни Февральской революции был избран членом Временного комитета думы, 2 марта 1917 вместе с А. Гучковым принял отречение от престола последнего российского императора. С окт. 1917 Ш. стал одним из организаторов и руководителей Белого движения и боролся с революцией до конца Гражданской войны, когда в 1920 с остатками разгромленной врангелевской армии эмигрировал за границу.

В 1920-х, находясь в эмиграции, Ш. написал свои лучшие и самые известные книги, но к лит-ре начал приобщаться задолго до этого, в перерывах между занятиями политической. Он писал рассказы, стихи, поэмы, печатал их в периодике; однако эти опыты внимания общественности не привлекали. Осталась незамеченной и изданная в 1910 в Харькове книга Ш. **«Недавние дни»**, куда он собрал многое из того, что до этого публиковал в газетах и журналах. Попробовал Ш. писать и в крупном жанре: сочинял в течение 10 лет исторический роман **«Приключения князя Воронежского»** (1-я ч.— **«В стране свобод»** — рассказывает о событиях на Волыни в конце XVI в., когда эта часть Украины принадлежала полякам; книга была опубликована в Киеве в 1914).

В 1913 после смерти Д. Пихно в руки Ш. перешла газ. «Киевлянин». Ш. становится одним из ведущих журналистов. В годы смуты 1918–19, находясь в Киеве, Ш. страстно и непримиримо боролся с украинским «самостийным» движением, резко выступал не только против большевиков, но и против зверств белогвардейцев.

Оказавшись в эмиграции, Ш. написал книгу **«1920 г.»**, изданную в 1921 в Софии. «Разумеется, время для изображения нашей трагедии во всем объеме, так сказать, с журавлиной высоты, еще не пришло, — писал Ш., — но можно и должно записывать то, что каждый из нас видел воочию. И можно рассказать свои переживания постольку, поскольку индивидуальность автора терпит публичное раздевание. Настоящий очерк и представляет опыт записать в этих пределах „кусочек жизни“, пробежавший перед моими глазами». Ш. рассказал о белой Одессе, подробно описал белогвардейцев в советском подполье, запечатлел врангелевский Крым.

«Книга В. Шульгина, — писал в берлинском ж. «Новая русская книга» (1922. № 3)